Однажды Майя Булгакова "рассказала" мне фильм, в котором играла сразу всех героев – с диалогами, репликами, сменой планов. Она рассказывала историю женщины, которая долго и безбедно жила в уютной золоченой клетке, а потом вдруг рванулась, полюбила, может быть, впервые в жизни по-настоящему осознавая самое себя. Прозрение дорого стоило ей, осколки прошлого никогда не собрать, да она того уже и не хотела...

УШЕДШИЕ "ЗВЕЗДЫ"

Нешумная слава Майи Булгаковой

Культура. – 1997. – 29 мая. – с. 11.

Эльга ЛЫНДИНА

Фото из семейного архива актрисы

Майя удивительно соединяла крах и полет сердца, одиночество и истинно женскую способность растворяться в судьбе любимого, тоску и веру.

В этом фильме она не снялась, но до конца дней хранила пачку писем от его создателя, известного режиссера. Однажды поработав с Булгаковой (она сыграла прекрасный эпизод в предыдущей его картине), чутьем мастера-снайпера он понял, что перед ним большая, своеобычная актриса. Тогда вместе с известным писателем он написал сценарий, на нее рассчитанный: вызвал на пробы и... не утвердил. В последнем, горько-покаянном и чуть фальшивом письме он грустил, что-де кинематографические каноны требуют иных внешних данных, чем у Булгаковой. Таких писем-отказов, а еще больше холодного молчания после кинопроб в начале пути Майи было немало. Она действительно была далека от розовой сладости и ординарной миловидности некоторых ее коллег, успешно подымавшихся по кинематографической лестнице славы. Впрочем, Булгаковой мешали не только ее внешние данные. Она не вписывалась в ласковую тишину фильмов, желанных начальством. И не вписалась бы – даже если бы очень этого хотела. В ней слишком явно и бурно жил протест, нежелание принимать ложь за правду, что пытались скармливать людям при ее участии. Мешала ярость, взрывчатость, неотделимая от всего, что она делала, будь то съемочная площадка или ее постоянная забота о своем доме.

Окончив актерский факультет ВГИКа у блистательных педагогов Пыжовой и Бибикова, Майя снялась в картине Григория Рошаля "Вольница". О Булгаковой сразу заговорили как об актрисе одаренней шей. Но это была та самая "широкая известность" в узком кругу профессионалов, которая отнюдь не приносит ролей и фильмов. Майя компенсировала отсутствие работы в кино пением – голос у нее был на уровне эстрадных певиц 50-х годов, Гелены Великановой, Нины Дорды. Она выступала с оркестром Утесова, как певица получила Серебряный приз на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году. Первая начала исполнять песни Эдит Пиаф.

И все же она тосковала – так было до встречи с Ларисой Шепитько, начинавшей снимать знаменитые свои "Крылья". Сценарий писался на определенную актрису, не имевшую ничего общего с Булгаковой. Однако Шепитько изменила изначальной установке и стала искать другую исполнительницу главной роли, понимая, что ей нужен уникальный и неизрасходованный актерский талант. Одна из претенденток на роль гвардии капитана Петрухиной, Нина Ургант, после выхода этой картины с участием Булгаковой мужественно сказала, что иначе Петрухину просто невозможно было играть...

Хотя на первых порах все складывалось далеко не идиллически. Художественный совет объединения, где снималась картина, Булгакову не утвердил. Шепитько рискнула – увезла на натурные съемки в Севастополь актрису, которую не имела права снимать. Там режиссеру и Булгаковой предстояла притирка друг к другу, обе были личности сильные, несмиренные, с мощным темпераментом. Но были и достаточно прозорливы, чтобы оценить возможности другого. И постепенно обрели абсолютный контакт.

"Крылья" были своего рода манифестом нового поколения режиссеров, не принимавшего благостной лжи и выдуманного благополучия в сродстве поколений. Героиня фильма, боевая летчица Петрухина, оказывалась на обочине новой жизни, потому что органически не могла ее принять. Она существовала в своей прекрасной, героической молодости, пытаясь сместить годы. И разбивалась об эту стену. Булгакова искренне любила Петрухину. И жалела ее, как ни старомодно нынче говорить о жалости. Разрушительная ирония, разумеется, дает авторам определенную установку и взгляд на мир, но как не хватает в этом мире умения той же Майи Булгаковой прорваться к боли человека, кажущегося почти монстром для новой генерации.

Сострадание было дано ей еще и от природы. Оттого драматургический материал в ее решении вдруг обретал совершенно иные краски; порой и весьма посредственно написанные роли в исполнении Майи выступали на первый план, царапали сердце. Она практически никогда не отказывалась от работы, в том числе и от эпизодов. С одной стороны, этим она как бы возмещала годы простоя. С другой – просто любила играть эпизоды. Ее неизменная внутренняя напряженность, аналитическая острота в определении сути того или иного человека давали ей опору в миниатюрных кинопортретах. В новелле "Завтраки 43-го года" по Василию Аксенову она играла женщину, ворующую тесто на хлебозаводе, где она работает, чтобы накормить дома голодных детей. Тесто ей приходится обматывать вокруг тела, чтобы пронести его через охрану, дома снимает с себя прилипшие скользкие, длинные полосы, делает это, поначалу смеясь, но постепенно смех переходит в слезы, в истерику. В кошмар военных лет... Судьба женщины-матери в трагическом преломлении вообще была любима актрисой. Шло это тоже от сущности Майи, без памяти любившей двух своих дочерей, Машу и Зину. Любила чужих ребятишек, в общении с ними становилась ребячливой, простодушной, нежной. Если надо было защитить малыша, бывала агрессивной, теряющей выдержку.

Булгакова выросла в обычной советской семье. Отец – военный, погиб на фронте. Майя помогала матери растить младших брата и сестру. Позже называла дочерью еще одну сестру, Веру, родившуюся после войны, когда мать второй раз вышла замуж. Возможно, отрочество и юность, прошедшие в заботах о ближних, как бы истребили в Майе малейшие крохи инфантилизма. Она отказывалась принимать желаемое за действительное, называла все своими именами. Оттого не всегда была легка в общении. Но меняться не хотела. Страдала из-за порушенных ею же отношений, дружб. Иногда бурно, страстно винилась, так, что ей уступали, стараясь зачеркнуть обиды. В минуты таких выплесков напоминала персонажей Достоевского с их безмерностью.

Героиню Достоевского она сыграла в картине Льва Кулиджанова "Преступление и наказание" – Катерину Ивановну. Была там дышащей гневом воительницей, требуя немедленных действий во имя немедленной справедливости, какой не было и никогда не будет на земле. Катерина Ивановна могла казаться юродивой, помешанной, в глубине же она настаивала на возвращении мира к гармонии. Зная при этом – так случится. Человек всегда будет колебаться между Богом и дьяволом. Оттого она зовет смерть, устав сопротивляться. "Две бездны", о которых писал Мережковский, резко откликались у Булгаковой в облике Катерины Ивановны. Да и в других ее ролях, возможно, не в том масштабе, но были ощутимы, отметны.

Фильм "Скуки ради" не имел шумной славы, хотя вместе с Булгаковой там прекрасно играли Людмила Шагалова, Всеволод Санаев. Майя прожила в нем жизнь немолодой, некрасивой кухарки Арины, что служит на глухом полустанке. На нее, казалось бы, обреченную на вечное одиночество, обрушивается любовь. Она не знает, что принадлежит к той категории людей, кто сам всегда неосознанно выбирает для себя роль жертвы. Пережив короткие минуты счастья, Арина понимала, что обманута и любимым, и ничтожными ее господами – просто так, "скуки ради". Она не плачет, не ропщет. Она потрясена, что можно вот так, ничем не смущаясь, убивать людей. Вырваться из этих страшных норм естественному человеку не дано. Вернее, дано только в смерти. Застывшее лицо повесившейся Арины – лицо человека, которому "не к кому пойти".

Несостоявшимися актерскими ожиданиями мало кого удивишь, в этом естественный ход жизни тех, чья профессия чрезвычайно зависима. В такой ситуации кто-то насмерть ломается, кто-то выбирает другой путь. Майя просто работала, ей постоянно нужно было чувствовать себя в деле.

Кажется, Булгакова все время куда-то мчалась: будто еще немного – и там, за поворотом, откроется другая, замечательная жизнь. Наверное, оттого любила быструю езду, заставляла мужа включать в автомобиле максимальную скорость, чем бы это ни грозило. Обычно судьба и милиция благоволили к ней в таких случаях. До того дня, когда машина, в которой она ехала на встречу с ветеранами, не влетела в рекламный столб на Ярославском шоссе. Может быть, велением свыше ей был назначен такой уход из жизни – мгновенный, безапелляционный?

...Сейчас ей было бы 65. ●